

© И. А. Разумова, О. В. Змеева

НАСТАВНИК И НАСТАВНИЧЕСТВО: СМЫСЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ)

Наставничество, как и другие формы культурной преемственности, связано с национальными традициями и социально-культурной стратификацией общества. Существует проблема идентификации наставничества и как феномена национальной культуры, и как способа передачи знаний и опыта в конкретных случаях. Наставничество осмысливается в рамках определенной идеологии и национально-культурного кода. Его смыслы осложняются множеством ассоциаций: от культурно-исторических до индивидуально-биографических. Соответственно варьируют требования, предъявляемые к наставнику обществом и «наставляемыми». В самом общем смысле «наставничество» — не вид деятельности, а культурная миссия. Среди форм наставничества могут быть выделены прямые, опосредованные и метафизические. Проведенное в 2023 г. полевое исследование выявило варианты интерпретации наставничества и роль, которую люди отводят наставникам в своей жизни. Оно показало, что «наставничество» как культурный концепт и не имеющая четких границ совокупность социальных практик не только определяет векторы, формы и качество общекультурной и профессиональной преемственности, но, прежде всего, создает особую динамичную сеть взаимоотношений человека со «значимыми другими». Они могут быть постоянными проводниками на жизненном пути или временными помощниками на этапах самоопределения и вхождения в профессию, а также в отдельных сложных ситуациях. В зависимости от смысловых различий формируются виды наставнических отношений и типы наставников. Наставничество — это совокупность социально-культурных ролей, исполняемых по отношению к человеку и им самим на разных этапах жизни.

Ключевые слова: наставничество, антропология, интерпретация, смыслы, идеология, культурный код

Разумова Ирина Алексеевна — д. и. н., главный научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона — Филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (ЦГП КНЦ РАН) (Российская Федерация, 184209 Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, 40А). Эл. почта: irinarazumova@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Змеева Ольга Васильевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона — Филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (ЦГП КНЦ РАН) (Российская Федерация, 184209 Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, 40А). Эл. Почта: zmejeva@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

*Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002, «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Ссылка при цитировании: Разумова И. А., Змеева О. В. Наставник и наставничество: смыслы и интерпретации (на примере городских жителей Кольского Заполярья) // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 288–300.

UDC: 39+37.035

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/228-300

Original article

© Irina Razumova and Olga Zmeeva

MENTOR AND MENTORING: MEANINGS AND INTERPRETATIONS (THE CASE OF THE CITIES OF THE KOLA PENINSULA)

Like other forms of cultural continuity, mentoring is associated with national traditions and socio-cultural stratification of society. Mentoring can be identified both as a phenomenon of national culture and as a way of transferring knowledge and experience in specific cases. Mentoring (“nastavnichestvo”) is conceptualized within a certain ideology and national cultural code. It can be reflected through various associations from cultural and historical to individual and biographical. Accordingly, the requirements imposed on the mentor by society and on the “mentees” vary. In the most general sense, “mentoring” is not an activity, but a cultural mission. Direct, indirect and metaphysical forms of mentoring can be distinguished. A field study conducted in 2023 identified variations in how mentoring is interpreted and the role that people assign to mentors in their lives. It showed that “mentoring” as a cultural concept and a set of social practices without clear boundaries not only determines the vectors, forms and quality of general cultural and professional continuity, but, above all, creates a specific dynamic network of relationships between an individual and “significant others”. They can be permanent guides along the path of life or temporary assistants at certain stages of self-determination and entry into the profession, as well as in difficult situations. The types of mentoring relationships and the mentors themselves are formed according to semantic differences. Mentoring is a set of socio-cultural roles performed in relation to an individual and by an individual at different stages of life.

Keywords: mentoring, anthropology, interpretation, meanings, ideology, cultural code

Authors Info: Razumova, Irina A. — Doctor of History, Chief Researcher, Barents Centre of the Humanities — Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation). E-mail: irinarazumova@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Zmeeva, Olga V. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities — Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation). E-mail: zmeyeva@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

For citation: Razumova, I. A. and O. V. Zmeeva. 2024. Mentor and Mentoring: Meanings and Interpretations (The Case of the Cities of the Kola Peninsula). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 288–300.

Funding: Funding on the topic of the state research assignment FMEZ-2024-0002, “Dynamics of the sociocultural appearance of the Kola North in the context of the history of development of the Arctic frontier of Russia”.

Введение

О наставничестве, которое вновь стало злободневным, написано много теоретически основательного и полезного, но, несмотря на обилие специальной литературы, а может быть, и вследствие этого, значительный ряд проблем сопряжен с осмыслением и идентификацией наставничества и в конкретных случаях, и как социально-культурного феномена. Почти невозможно учесть все многообразие социально-сетевых и ситуационных взаимодействий, в которые включены наставники и наставляемые. Наставничество относится к «культурным универсалиям», будучи механизмом социальной преемственности во все эпохи. В национальной культуре сталкиваются укорененные и обновленные значения понятия, которые связаны с литературной, философской, религиозной традициями, актуальной наставнической деятельностью и словоупотреблением.

У носителей русского языка слово «наставник» способно вызвать ассоциативный ряд, не связанный преимущественно с педагогическими феноменами, хотя с советского времени «наставник» и «наставничество» стали привычными в значениях сугубо инструментальных. Согласно толковым и этимологическим словарям русского и славянских языков, ключевые смыслы слова: «направлять, оказывать помощь, поддержку в совершенствовании на жизненном пути» (*Ланко* 2009: 3). Понятие «путь» в данном случае осмысливается как духовное восхождение, развитие личности. Направление и сопровождение, соучастие в судьбе подопечного «есть особая миссия наставника как значимого взрослого, способного приблизить к себе человека и постараться понять его, проникнуться миром его чувств и переживаний, добиться доверия, обеспечить прорыв в той деятельности, от которой зависит успех» (*Морозов* 2023: 31–32).

Наставничество — это совокупность традиций. Есть сферы, в которых оно использовалось издревле, а есть такие, для которых само понятие оказывалось привнесенным извне, то есть новационным. Так, в советский период наставничество на производстве вначале стало общественной практикой, инициированной государственными потребностями в организации производства, в развитии, прежде всего, начального и среднего профессионального образования. Затем оно распространилось на другие социально значимые сферы и превратилось в традицию, поддерживаемую идеологией советской индустриализации и формирования нового человека. Понятие, наделенное соответствующими значениями, внедрилось в разнообразные практики, выходящие далеко за рамки производственных: общеобразовательные, медицинские, административные. В дальнейшем с размыванием, а затем и уничтожением советских идеологических ориентиров, наставничество утратило высокие целеполагающие смыслы, сохранив лишь узкое значение. Оно начало восприниматься как «коммунистический пережиток», навязанный руководством и формальный. Педагог с большим стажем работы высказалась так: «Слово наставник не греет мою душу и откровенно не нравится, ибо несёт оттенок официального наставничества советских времён» (ПМА2–2). Новые политические, экономические контексты и формирование киберкультуры, идеология индивидуализма, парадигма «глобального рынка» оставили в прошлом советскую традицию наставничества и вместе с ней более или менее определенное понимание «наставничества».

После объявления Президентом РФ в стране 2023 года «Годом педагога и наставника» (Указ 2022) выявилось разнообразие практик, действующих в поле смыслов прошлого: «дореволюционного» и «советского» опытов функционирования и

осмысления «наставничества» и «наставника», а также развития отношений наставника с наставляемым. Сформировались новые сферы, в которых используется передача профессиональных навыков, включая киберпространство. Между тем представители этих сфер, в том числе молодые, живущие уже в мире англицизмов, открыли для себя забытое русское слово. В русском языке нашлось понятие, ёмкое в смысловом отношении, укорененное в культуре и игнорирующее идеологические различия. Оно объединило функционально разнохарактерные практики за счет универсальности заложенных в его смыслах антропологических ценностей.

Чтобы определить смыслы, вкладываемые в понятия «наставник» и «наставничество» разными людьми — носителями русского языка, мы предприняли полевое исследование в городах Апатиты и Кировск Мурманской области. Оно было нацелено на углубление понимания наставничества, выявление интерпретаций понятия и роли, которую люди отводят наставникам в своей жизни.

Наставничество прямое, опосредованное и метафизическое

При осмыслении наставничества важно разграничить два аспекта: функциональный и коммуникативный, включающий способы и качества общения. Среди разных видов обучения и воспитания, в том числе в истории педагогики, отношение наставничества чаще характеризуется, во-первых, как межличностное и личностно-ориентированное, во-вторых, основанное на взаимном доверии и принципе конфиденциальности, в-третьих, непосредственное, контактное, в-четвертых, неформальное (Баранникова, Безрогов 2013; Гаспаривили, Крухмалева 2019: 112; Нугуманова, Яковенко 2020: 5; Скуднова 2023: 260). В традиционной культуре оно предполагает передачу знаний, опыта, ценностей, навыков «из рук в руки» или словесно (в народном пении — «с голоса») от мастера к ученику. Письменные, а затем и мультимедийные технологии предоставили более широкие и разнообразные возможности. Многообразие ситуаций и способов наставнической коммуникации сопутствует переосмыслению феномена наставничества.

Является ли «наставничеством» автокоммуникативное общение с книгами, учебниками, произведениями искусства, обучающими программами СМИ и т. д.? В таком расширенном понимании нет необходимости, если использовать понятие как термин, обозначающий социальную практику и исключая метафорическое употребление. Способы обучения, восприятия любого опыта, в которых отсутствует непосредственное взаимодействие социальных субъектов, относятся к самообразованию, как и утверждения из ряда: «моими лучшими наставниками были книги», «люди всему учились у природы» и т. п. Потребность в наставничестве, далеко не всегда осознаваемая, проявляется в желании взаимодействовать, прежде всего, с некоей личностью (артистом, спортсменом, героем, любым профессионалом), которая вызывает уважение, восхищение или сходные эмоции. Для того чтобы процесс осуществился, нужна встречная потребность — наставлять. Таким образом, через книгу неформальное наставничество осуществляется в случаях, когда автор нацелен на образовательные, просветительские, воспитательные результаты, а заинтересованный читатель (зритель, слушатель) вступает с ним в личный контакт.

Показателен пример из практики популяризации науки в советский период. Во второй половине 1920-х–1930-е годы публиковалась серия книг «Занимательная на-

ука». Одной из ее задач была помощь читателям в изучении достижений науки и техники. Серия осуществлялась при участии известных ученых, и в 1928 г. в ней вышла книга А. Е. Ферсмана «Занимательная минералогия». По многочисленным свидетельствам ученых-геологов, она оказала исключительное воздействие на молодежь в отношении профессиональной ориентации, увлекла геологией и определила будущее. Первостепенную роль сыграла личность автора, который воспринимается, в частности, уже несколькими поколениями геологов Кольского научного центра РАН, как учитель и наставник (Каменев 2020: 65–66), причем не только в прямом, но и в «мессианском» смысле. Это подтверждают как письменные источники, так и фиксируемая до настоящего времени местная устная традиция рассказов о Ферсмане — «крестном отце» науки в Кольском Заполярье, «провидце», определившем развитие территории в целом, и даже «родоначальнике» городов Кировск и Апатиты (Паця, Разумова 2006; Змеева 2022: 217–220).

В автобиографическом сочинении А. Е. Ферсман показывал возможности сбора образцов минералов, систематизации, сохранения, создания коллекции. Он побуждал читателей к реализации исследовательского интереса и научной фантазии, призывал их к действию, показывал перспективы науки минералогии. Обладая яркой речевой индивидуальностью и будучи превосходным оратором, автор создавал впечатление живого контакта с теми, кого в данный момент просвещает и побуждает к совместным действиям¹. Л. Разгон писал, что «Занимательная минералогия» — это «неторопливый разговор» с молодыми естествоиспытателями, «рассказы многоопытного человека», испытывающего потребность поделиться всем, что знает и любит, с другими людьми: «Ферсман пишет, все время мысленно видя своего читателя. Он с ним разговаривает, вместе с ним рассматривает камни, шлифы, он делает его не только свидетелем, но и участником тех опытов, которые продельывает. Недаром в описании каждого опыта мы встречаемся со словами “купим”, “охладим”, “растворим”, “солём”, “очистим”. И рассказ о многих опытах начинается в книге Ферсмана со слов “Давайте займемся этим!...”» (Разгон 1983: 203). А. Е. Ферсман нацеливал аудиторию на обратную связь и совместную работу, он просил присылать фотоснимки, зарисовки минералов в Минералогический музей Академии наук. Юные читатели реагировали на просьбы академика, завязывалась переписка. Один мальчик под впечатлением от книги захотел немедленно покинуть среднюю школу и заняться минералогией, о чем написал Ферсману. Академик был вынужден исполнять роль воспитателя, убеждая своего корреспондента не принимать поспешных решений, не получать скверных отметок и не пытаться «перескочить через отдельные этапы» жизни и образования (Баян 1950: 19). В другом случае школьник, увлеченный коллекционированием минералов, пожаловался, что не находит понимания у своего отца, который возражает против хранения коллекции в доме. Он предложил выход: «Я хочу к Вам переехать жить со своими образцами. Мне будет у Вас хорошо» (Баян 1950: 20). Переписка свидетельствует о доверительных отношениях автора с читателями и показательна для системы взаимодействий «наставник — наставляемый».

Переписка или использование любого средства связи, которое допускает прямое межличностное взаимодействие, мало что меняют в сущности процесса наставничества. Вопросы о том, относить ли к «наставничеству» ту или иную форму передачи

¹ О речевых особенностях сочинений А. Е. Ферсмана, соответствующих наставническим задачам, см.: (Литвинская 2016; Ильинская 2020).

знаний и опыта, возникают, во-первых, при отсутствии обратной связи обучаемого с «источником» наставлений (информация вместо коммуникации), во-вторых, если коммуникантами человека служат символические предметы, природные существа и локации, произведения и образы искусства, метафизические сущности (святые и ангелы-хранители, умершие предки и т. д.). Например, одна из информантов, которая «двадцать лет назад были на мощах Матроны Московской», отвечая на вопрос о своих наставниках, призналась: «Мне, когда нужно высказаться, какие-то сложности ... мне легче прийти в церковь ... Нет, я не с батюшкой. Я не делаю никаких служб. Я просто от себя, я просто представляю Матронушку, как она мне должна помочь. Вот это вот у меня больше. Когда мне плохо, я обращаюсь к Матронушке» (ПМА1–13). Такие способы обращения к «наставляющим инстанциям» интересны, прежде всего, этнографам, изучающим мифо-ритуальные традиции и религиозные представления. Психологи в этой связи рассматривают феномен «внутреннего наставничества» (см., напр.: Красило 2006), а искусствоведы, литературоведы — особенности художественного воплощения феномена наставничества (Ланко 2009).

Отдельную проблему составляют разнообразные виды Интернет-«наставничества», чрезвычайно распространенные в наши дни. Они включают обучающие и консультативные онлайн-сервисы, тренинговые программы, сайты многочисленных блогеров — от ученых, психологов, врачей, юристов и т. д. до неких личностей, делящихся своими профессиональными и обыденными знаниями, «житейской мудростью», бытовыми умениями или навязывающих определенные взгляды и вкусы. Одной из задач нашего исследования было выявить отношение информантов к «наставничеству» такого рода.

Результаты полевого исследования

Исследование проводилось методом интервьюирования в октябре 2023 г. Мы учитывали желательное представительство среди информантов лиц разного возраста, образования, вида деятельности, а также наличие в их составе тех, кто выполнял обязанности наставника на своей работе, и профессиональных педагогов. В числе 17 интервьюируемых были 10 человек со средним профессиональным образованием, 5 человек с высшим образованием (1 с ученой степенью) и 2 учащихся; мужчин 7, женщин 10, возрастной диапазон от 14 до 82 лет.

В большинстве случаев интервью превращалось в беседу, в ходе которой участники выясняли, что относится к «наставничеству», используя примеры и разбирая конкретные случаи. Интервьюеры и их собеседники взаимно предлагали ситуации и пытались определить, в какой роли здесь выступает официальный наставник, «советчик», «помощник», тренер, напарник по работе, член семьи, друг. Информанты начинали размышлять во время беседы («хороший вопрос», «сложный вопрос», «можно и так»).

Наставник — профессионал в каком-то деле, и «он обучает тебя той работе, которую он умеет» (ПМА1–4), но наставничество «это не профессия, не род занятий» (ПМА2–2), «наставничество существует практически во всех сферах нашей деятельности» (ПМА1–15). Наставник не только «знает», «умеет» и «обучает», но «помогает по всем вопросам в случаях возникновения трудностей» (ПМА1–5), а в первую очередь, «направляет», «наставляет на путь», «ведет»: «это человек, который способен чему-то обучить и вести за собой. Вести к какой-то цели. Который способен

ставить цели и видеть, какие задачи нужно решить для достижения данных целей. Он набирает людей и ведёт их ... Поводырь. Как собака поводырь. Должен быть верен своей идее» (ПМА1–14); «направляющий, тот человек, который направляет по пути» (ПМА1–5); «чтоб потом по жизни шёл и, как говорится, с опытом» (ПМА1–9). Наставничество — это помощь, поддержка в пути, жизненном и профессиональном. Самый важный этап — отправной: «Наставник как я понимаю? Это человек, который даёт напутствие. Другому человеку в жизни. Передаёт свои знания. Ведёт человека в жизнь» (ПМА 1–15).

«Наставник» понимается в «высоком» и конкретном смысле. Это «человек, который тебя, как бы это ни звучало, наставляет по жизни. Или, допустим, это наставник какой-то определённой, скажем так, узкой направленности, он тебя ведёт по этой направленности. Говорит, что и как тебе делать. Возможно, помогает какими-то советами» (ПМА1–12). Проблемы использования понятия информанты ощущают или осознают: «Наставник — это человек, который учит, как правильно жить. Ты ему доверяешь. В моей жизни наставником были мама и папа. Мне, наверное, если про наставничество, легче про маму сказать. Я наставника знала только по работе» (ПМА1–13); «То есть начальник — это тоже наставник, по-своему. Я считаю, что родители могут быть наставниками. Они же тоже нас ведут по жизни. То есть наставник — это такое размытое понятие» (ПМА1–11); «Наверное, очень много людей, которые вообще не используют это слово. Но они являются наставниками» (ПМА1–12).

В разговоре с представителями рабочих специальностей и старшего поколения тема наставничества перетекала в рассказ о коллективе и людях, которые «всегда помогали», независимо от возраста и статуса. Нередко к таким относились «все»: «Не было никакого различия, что ты начальник, что наставник. Было, нормальное хорошее общение, вообще хороший коллектив был». В ходе беседы само понятие оказалось под вопросом: «Что-то у нас не было такого слова “наставник”. Это сейчас, может быть? Постоянно по “Народному” (телеканал в Кировске — *И. Р., О. З.*) показывают: наставники, наставники... А раньше как-то ... в любое время помогут. В любое время помощь окажут» (ПМА1–10). В других случаях приводились альтернативные примеры, и лейтмотивом становилось «все люди разные» — с уточнением, что в основном помогали друг другу.

«Размытость» касается и функций, и субъекта наставничества, которые определяются по собственному разумению: «Наставник по жизни — это тот человек, который всегда рядом с тобой, либо это какое-то эфемерный предмет, существо и так далее. Не знаю. Книжка — наставник по жизни. Вот я её законами, трактатами слежую, и так далее» (ПМА1–2); «Это человек, который тебе помогает, наставляет, как сказать, на путь истинный. То есть даёт рекомендации, помогает; он должен везде, мне кажется, допустим, если есть какая-то жизненная ситуация и не знаешь, как поступить» (ПМА1–1); «Смотря что имеется в виду. Наставник на работе, наставник духовный, наставник в образовательной среде. Разные роли бывают» (ПМА1–6). Противоречие между двумя, как минимум, уровнями понимания разрешается тем, что разграничиваются «наставник по работе» и «наставник по жизни», у которых разные функции: «Ну, наставником по жизни обычно идут мама и папа, а по работе наставником кто может быть? Ну, вот, кто обучал. Вот, допустим, когда в автоколлонне работала, там тот, кто меня обучал, был наставником» (ПМА1–1); «Ну, семья, естественно, положительное влияние оказала. Потому что направляла по жизнен-

ному пути, куда нужно. На работе обучали тому, что я должна знать, что я должна делать. Свои обязанности» (ПМА1–8).

В течение жизни человека его наставниками оказываются разные люди, и сам он является то наставляемым, то наставником: «Наставник меняется в течение жизни. И в каждый определенный период он другой обычно. Наставник не может быть одинаковым наставником с детства до старости» (ПМА1–5); «я про хабзайку¹ говорю, потому что потом-то я уже большой был. Уже после армии таких наставников не было. А вот в хабзайке, да, вот эти наставники были. Когда практику проходил, учили меня там. На автокране как ездить» (ПМА1–3); «В первую очередь, это отец. Ему можно проблемы рассказать. Он поможет найти решения, подскажет ... Друзья, которые были старше меня в школе, старшекласники. Учили программировать. Учитель» (ПМА1–14); «Невозможно постоянно быть наставником. Невозможно быть учеником. Мы же играем все роли. И эти роли меняются в разных ситуациях. Часто для меня, допустим» (ПМА1–11).

Логично предположить, что наставников тем больше, чем прагматичнее понимается наставничество. Ответы на вопрос о том, любой ли человек может стать наставником, значительно различались, в том числе по аргументации: «Я думаю, что каждый человек, вот так вот, косвенно может быть. Всё равно у каждого есть преимущество в чём-то. Кто-то хорошо вяжет, кто-то готовит, кто-то шьёт» (ПМА1–12); «Думаю да, а почему нет? В какой-то своей сфере. Если мы касаемся работы» (ПМА 1–4); «Конечно, любой. Здесь важны не качества наставника, а желание учиться» (ПМА2–1); «Любой, все дело в личности» (ПМА2–2); «Нет. У кого-то это просто не дано» (ПМА1–2); «Не любой хочет быть наставником. Не все привыкли давать советы, даже если это неформальная обстановка, поскольку не все уверены в своём мнении, даже если они много чего пережили» (ПМА1–6); «Нет, не любой человек может быть наставником. Всякие люди есть. Есть такие, что со всем сердцем, со всей душой к тебе. Помогут, сделают всё. А другой просто рукой подвинет ... И пойдёшь ни с чем, и делай сама, что знаешь. Наставник — это большой души человек» (ПМА1–10).

Желаемые качества наставника, которые информанты называли в ответ на прямой вопрос или в разной связи, группируются в две категории: (1) уровень развития личности и (2) отношение к людям и поведение. К первым относятся знания в своей области, «грамотность», профессионализм, «житейская мудрость». В двух случаях отмечалось: «должна быть сформированная личность», «должен быть одарённой личностью даже без высокого образования». Качества второй группы более детализированы и разнообразны по формулировкам. От наставника требуются терпение (оно упоминается чаще всего), выдержка, деликатность, такт, дружелюбие, коммуникабельность, настойчивость и гибкость. Он должен быть примером, уважать других людей и внушать уважение, уметь расположить к себе и вызывать доверие, уметь объяснять, иметь желание заниматься наставничеством. В рассуждениях о наставничестве как межличностных отношениях информанты, особенно молодые, чаще всего упоминают «доверие», «понимание», «эмоциональную связь».

¹ Хабзайка — народное обозначение профессионально-технических училищ (ПТУ), возникших в конце 1950-х — начале 1960-х гг. на базе школ фабрично-заводского обучения (ФЗО); их учащиеся в просторечии называли «фабза», или «фабзайцы», позже слова трансформировались в «хабза», «хабзайцы» и сохранились в ряде городских и областных диалектов, в том числе в Мурманской, Калининградской областях, Петрозаводске, Перми и др.

Старшинство наставника по возрасту признается, поскольку ассоциируется с жизненным опытом и большой практикой работы. Но на нем никто не настаивает, в том числе пожилые информанты: «Разные ситуации бывают. Бывают и помоложе. У старшего опыт есть, а этот мыслит по-другому. Он может быть более образованным. Сказать по-научному, объяснить, разложить по полочкам. Почему бы и нет? Старший, если понимает, то прекрасно. Он тоже может взять себе, на свой опыт» (ПМА1–9). Молодые апеллируют к различию опытов и новым технологиям: «Вообще есть такая тема, что человеку тем больше доверяют и просят советы, чем он старше. Есть стереотип, что чем старше, тем больше прожил и более опытнее. Но на практике не всегда так получается. И опыт у всех очень разный. И информационный пузырь у всех разный. Особенно с нынешним временем, в связи с тем, что интернет появился. И ценности у всех разные. Так что тут больше вопрос личного доверия» (ПМА1–6).

Возраст человека и рост числа источников информации относятся к причинам, по которым в жизни остается меньше места наставникам: «Чем старше, старше ... уже нет у меня (наставников — *И. Р., О. З.*). Когда я еду в отпуск, у меня всегда иконка маленькая. Я беру её с собой ... А чтобы к кому-то прийти ... Может, была бы мама. Опять я бы к ней. Я люблю спрашивать» (ПМА1–13); «Сейчас много источников информации. Надо информацию, идёшь и получаешь. Так что, кого-то слушать? Наверное, с возрастом чувствуешь, что сам уже всё знаешь. Пожил уже» (ПМА1–14). Заметим, что информанту 35 лет, сам он учитель и занимается дополнительным образованием с желающими, то есть и является, и считает себя наставником. С его точки зрения, в отношении наставничества вовлечено все общество: «Свято место пусто не бывает. Если ты не заполнил это место своим наставничеством, то он найдёт наставничество в другом месте. Человек же существо социальное. А в социуме все роли распределены. Либо ты наставник, либо тебя наставляют» (ПМА1–14).

Наставников предоставляет людям сама жизнь, что не исключает личного выбора: «Родителей, родных не выбирают, Учителя выбираешь по велению сердца, а житейские ситуации, обстоятельства жизни многое решают за тебя» (ПМА2–2); «Наставники сами складываются. Лучшие друзья — никто же не выбирает лучших друзей, но они есть. Наставника тоже никто не выбирает, но это может быть определённый человек» (ПМА1–5); «Это вопрос очень индивидуального доверия» (ПМА1–6). А на вопрос о том, не лишает ли наставничество человека самостоятельности, есть ответ: «Я считаю, что нет. Но я объясню почему. Потому что у нас, у всех людей на земле наше личное мнение сформировано кем-то другим. Мы ... на земле очень мало людей, которые действительно имеют какое-то определённое, своё мнение, не навязанное кем-то другим, обществом, родителями, друзьями. Нашим родом, нашей страной, миром в целом» (ПМА1–11).

Группа вопросов была направлена на отношение к современным формам обучения, «коучинга», получившим широкое распространение благодаря информационным технологиям, и возможному сопоставлению их с наставничеством. Мнения ожидаемо различались, но, вопреки ожиданию, молодежь была не менее осторожной и критичной в оценках, чем старшие.

– *А вот всё больше появляются разные коучинги, тренинги. Это как-то связано с наставничеством?*

– Я считаю, они и есть наставники (ПМА1–8).

– Коучи это, как правило, групповые. Ориентированные на группы, десять человек. А наставник он более конкретный (ПМА1–5).

- Мне кажется, это может кому-то помогать. Но в первую очередь это выбивание денег. Там, где деньги, там нет никакого доверия» (ПМА1–13).
- Естественно, это ... не полноценные наставники. Ему перестанут платить, и он перестанет наставлять» (ПМА1–14).
- *Не уходит ли наставничество в Интернет-пространство? Есть у Вас примеры того, как «люди из Интернета» становятся наставниками для молодежи?*
- Блогеры, например. Админы каких-то групп в социальных сетях, которые посвящены вопросам сложных жизненных ситуаций. Психологические, психотерапевтические паблики. Например, группы по подготовке к предметам и в университете, и в школе. Это тоже в некотором смысле наставничество. Обезличенное, но наставничество (ПМА1–6).
- Там нет эмоциональной связи. Она может появиться только когда ты сидишь с человеком тет-а-тет. Когда ты знаешь его лично. Когда ты смотришь ему в глаза. А если это онлайн? Я считаю, что нет привязки к этому человеку (ПМА1–11).
- Кажется, что в этом плане ничего не поменялось с прошлых времён. Раньше люди читали книги и там искали модели поведения. .... Мне кажется, что интернет — это те же самые книги, фильмы. А наставничество просто формат передачи (ПМА1–14).
- Только негативные примеры, когда дети под влиянием таких наставников куда-нибудь «влипают» (ПМА2–1).
- Наставник советует серьёзно. А в интернете наставник может быть достаточно поверхностным. Я лично так понимаю (ПМА1–5).
- Для меня живой человек наставник. Настоящий. А в интернете? Нет (ПМА1–10).
- *Нет ли в этой ситуации опасности?*
- По учебным материалам нет. А вот что касается психологии и психотерапии, то тут всё скользко. Лучше не воспринимать на веру (ПМА1–6).
- Есть, конечно <...>. Не разобравшись в теме, не обладая компетенцией... И транслируете на всю свою аудиторию, для которых являетесь наставниками. Им проплатили. Дали денег, и эту аудиторию используют в своих целях (ПМА1–14).
- На мой взгляд, в этом есть большая опасность. Интернет может помочь скрыть подлинное лицо наставника, и человек, особенно легко внушаемый, может принять иллюзию за подлинность (ПМА2–2).
- Смотря что они там проповедуют, можно так сказать. Если все нормально, то... А может они там за фашизм проповедуют. Тогда нет, конечно. Такие не нужны наставники (ПМА1–3).

Таким образом, по мнению большинства информантов, коллективные «коучинги», психологические и прочие «тренинги», не говоря уже об Интернет-блогерстве, противоречат основным критериям наставничества как обучающей, развивающей и воспитательной деятельности в силу коммерциализации, непрофессионализма «наставников», обезличенности и, главное, отсутствия доверия к ним.

Выводы

Понятие наставничества не имеет строгой определенности. Во-первых, это следствие многофункциональности института, если вообще можно говорить об институте наставничества как таковом. У него три только основных функции: образовательная (учитель), воспитательная (воспитатель), профессионально-адаптирующая (мастер, профессионал). Применительно к каждой из них определяются разнообразные задачи и существует ситуационная вариативность. Соответственно варьируют требования, предъявляемые к наставнику обществом и наставляемыми.

Во-вторых, многозначно само понятие, относящееся к категории культурных концептов. Его смыслы находятся на разных уровнях глубины и обобщения и осложняются множеством ассоциаций: от культурно-исторических до индивидуально-биографических. С одной стороны, для использования в аналитических и инструментальных целях необходимо каждый раз определять и уточнять границы понятия, как это делают авторы научных статей. С другой стороны, у носителя русского языка есть некое неразложимое представление о феномене «наставник», и его трудно определить иначе, только если «учитель с большой буквы». В этом смысле наставничество — не столько обучение и воспитание, сколько качественные свойства этих процессов, не вид деятельности, а культурная миссия. В обыденной речи слова «наставник» и «наставничество» используются редко и больше в ироническом ключе. В других случаях они уместны там, где возможен «высокий стиль»: в биографических текстах, торжественных речах, юбилейных поздравлениях.

«Наставничество» как культурный концепт и нечетко очерченная совокупность практик не только определяет векторы, формы и качество культурной преемственности, но создает особую динамичную сеть взаимоотношений человека со «значимыми другими». Они могут быть постоянными проводниками на жизненном пути или помощниками на этапах самоопределения, вхождения в профессию и в сложных ситуациях. В зависимости от смысловых различий формируются типы наставнических отношений и наставников: от «Учителя жизни» до советчика в конкретных рабочих и бытовых ситуациях, от единственного наставника до большого числа людей, с которыми происходит повседневное общение. Наставничество — это социально-культурная роль или, скорее, совокупность ролей, исполняемых по отношению к человеку и им самим. Важно, кто (что) и кого, когда и как долго, зачем и чему наставляет.

Следует признать, что административная практика, начатая в России в 2008 г., посвящать каждый год одной социально-культурной сфере, безусловно, вызывает общественный интерес к нуждающимся в сохранении и государственной поддержке базовым ценностям и национально-культурным концептам. К таким относятся «наставничество» и «наставник».

Источники и материалы

Баян 1950 — Баян О. А. Советский ученый и дети // Семья и школа. № 2. 1950. С. 18–21.

Каменев 2020 — Каменев Е. А. Имена на карте / Науч. ред. О. В. Змеева. М.: Наука, 2020. С. 65–66.

Разгон 1983 — Разгон Л. Э. Зримое знание. М.: Книга, 1983. 253 с.

ПМА 1 — Полевые материалы авторов. Интервью, записанные в октябре 2023 г. в городах Апатиты и Кировск Мурманской области. Информанты: 1 — Анна, 1974 г. р.; 2 — Николай, 1996 г. р.; 3 — Василий, 1958 г. р.; 4 — Евгений, 1995 г. р.; 5 — Андрей, 1996 г. р.; 6 — Марина, 1995 г. р.; 7 — Екатерина, 2009 г. р.; 8 — Наталья, 2005 г. р., 9 — Сергей,

1953 г. р.; 10 — Ольга, 1954 г. р., 11 — Светлана, 2000 г. р.; 12 — Мария, 1954 г. р., 13 — Елена, 1963 г. р.; 14 — Антон, 1988 г. р.; 15 — Павел, 1955 г. р.

ПМА 2 — Полевые материалы авторов. Интервью, записанные в ноябре 2023 г. в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Информанты: 1 — Елена, 1958 г. р.; 2 — Татьяна, 1941 г. р.

Указ 2022 — Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003?ysclid=lrto9xl0dc530358123> (дата обращения: 10.01.2024).

Научная литература

Баранникова Н. Б., Безрогов В. Г. (ред.). Учитель и ученик: становление интерсубъективных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации древности и Средневековья). М.: Издательский Центр ИЭТ, 2013. 707 с.

Гаспаривили А. Т., Крухмалева О. В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Народное образование. 2019. № 5. С. 109–115.

Змеева О. В. (ред.). Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов. М.: Наука, 2022. 366 с.

Ильинская Т. Б. Незаметный язык (культурологическое осмысление современного научного стиля) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 233–238. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-1-112-231-236>

Красило Д. А. Ориентирующий образ наставника в период вхождения во взрослость // Психологическая наука и образование. 2006. Т. 11. № 1. С. 50–62.

Ланко О. Ю. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920-1930-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009. 18 с.

Литвинская И. Верните наставника // Директор школы. № 10. 31 декабря 2016. С. 34–40.

Морозов В. В. Национальный фактор в воспитательной педагогике: прагматическая истина Антона Макаренко // Воспитательная работа в школе. 2023. Вып. 2. С. 29–33.

Нугманова Л. Н., Яковенко Т. В. (авт.-сост.). Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения»: информационно-метод. материалы. Казань: Институт развития образования Республики Татарстан, 2020. 51 с.

Паця Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.

Скуднова Т. Д. Институт наставничества как социальный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. с. 258–263. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263>

References

Barannikova, N. B. and V. G. Bezrogov. (eds.). 2013. *Uchitel' i uchenik: stanovlenie intersub'ektivnykh otnoshenii v istorii pedagogiki Vostoka i Zapada (tsivilizatsii drevnosti i Srednevekov'ia)* [Teacher and Student: The Formation of Intersubjective Relations in the History of Pedagogy of the East and West (Civilizations of Antiquity and the Middle Ages)]. Moscow: Izdatel'skii Tsentr IET. 707 p.

Gasparishvili, A. T. and O. V. Krukhmaleva. 2019. *Nastavnichestvo kak sotsial'nyi fenomen: sovremennye vyzovy i novye realii* [Mentoring as a Social Phenomenon: Modern Challenges and New Realities]. *Narodnoe obrazovanie* 5: 109–115.

Ilyinskaia, T. B. 2020. *Nezametnyi iazyk (kul'turologicheskoe osmyslenie sovremennogo nauchnogo stilia)* [Invisible Language (Cultural Understanding of Modern Scientific Style)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* 1(112): 233–238. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-1-112-231-236>

- Krasilo, D. A. 2006. Orientiruiushchii obraz nastavnika v period vkhozhdeniia vo vzroslost' [The Guiding Image of a Mentor During the Period of Entry into Adulthood]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie* 11(1): 50–62.
- Lapko, O. Yu. 2009. *Khudozhestvennoe voploshchenie nastavnichestva v russkoi proze 1920-1930-kh godov* [The Artistic Embodiment of Mentoring in Russian Prose of the 1920s.-1930s.]. Ph.D. diss. abstract. Moscow Pedagogical State University. 18 p.
- Litvinskaia, I. 2016. Vernite nastavnika [Bring Back the Mentor]. *Direktor shkoly* 10: 34–40.
- Morozov, V. V. 2023. Natsional'nyi faktor v vospitatel'noi pedagogike: pragmaticheskaiia istina Antona Makarenko [National Factor in Educational Pedagogy: The Pragmatic Truth of Anton Makarenko]. *Vospitatel'naia rabota v shkole* 2: 29–33.
- Nugumanova, L. N. and T. V. Yakovenko (eds.). 2020. *Nastol'naia kniga "Nastavnichestvo: effektivnaia forma obucheniia": informatsionno-metodicheskie materialy* [Handbook "Mentoring: An Effective Form of Training": Information and Methodological Materials]. Kazan': Institut razvitiia obrazovaniia Respubliki Tatarstan. 51 p.
- Patsiia, E. Ya. and I. A. Razumova. 2006. Genius loci (A. E. Fersman) [Genius Loci (A. E. Fersman)]. In *Severiane: Problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii zhitelei Kol'skogo poluostrova* [Northerners: Problems of Sociocultural Adaptation of Residents of the Kola Peninsula], ed. by V. P. Petrov and I. A. Razumova. Apatity: Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk. 60–69.
- Skudnova, T. D. 2023. Institut nastavnichestva kak sotsial'nyi fenomen [The Institute of Mentoring as a Social Phenomenon]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* 1: 258–263. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263>
- Zmeeva, O. V. (ed.). 2022. *Naselenie Kol'skogo poluostrova mezhdumirovymi voynami: vzgliad istorikov i antropologov* [The Population of the Kola Peninsula between the Two World Wars: The View of Historians and Anthropologists]. Moscow: Nauka. 366 p.